Майор Иванов

Валентина Васильевна Чудакова

SHOUT
SHARE
IT

- Чудакова Валентина Васильевна

Чудакова Валентина Васильевна Майор Иванов

Валентина Васильевна Чудакова

Майор Иванов

По сторонам прифронтовой дороги на тонких ножках стоят большие фанерные щиты. На щитах броские буквы: "Вниманию наземных войск! Начинается Сенно-Оршанский партизанский край. С дороги не сходить: мины! Майор Иванов".

Все идут, и я шагаю по обочине дороги. Возвращаясь из госпиталя, как Вася Теркин, догоняю "свой полк стрелковый, роту первую свою".

Впереди в тускло-свинцовом небе тяжело и непрерывно ворочаются артиллерийские громы. Дорога идет через партизанский лес: мокрый, угрюмый, почти непроходимый.

И вдруг дороги не стало. Поперек лесной завал. Перед завалом широкая канава. В канаве хлопочут солдаты с погонами саперов: разминируют. Техника тормозит на правой стороне дороги. Выстраиваются гуськом машины с продовольствием, пушки, пароконные фуры с боеприпасами, порожние лобастые санитарные автобусы. А нас, пешеходов-одиночек, глазастая регулировщица направляет в обход: влево, через лес по тропинке. Встала я в затылок впереди идущему, позади меня тоже кто-то пристроился. Идем. Тропинка узкая, скользкая, корневистая, как рубчатая бельевая каталка, - того и гляди, нос расквасишь. Неуютно: под ногами мокрая снежная каша, с неба нудный дождь пополам со снегом. Одним словом, ноябрь.

И через каждые три дерева транспаранты, но только уже маленькие: "С тропинки ни шагу! Мины! Майор Иванов. Мины!!!".

Ползем, как улитки. Задние подгоняют: "Шире шаг!" Возмущаются: "Что за безобразие!" Но ничего не меняется. Все так же плетемся - нога за ногу.

Наконец с головы: "Передай дальше! Впереди контрольный сапер". Все ясно. Это он нас ведет. На всякий случай еще раз тропинку миноискателем прощупывает.

У меня насквозь промокли ноги. Стали зубы постукивать - ну прямо невтерпеж! Надо срочно переобуться. Выхватила я из полевой сумки запасные портянки. А как переобуваться стоя? Сесть? Но ведь майор Иванов не велит: мины!

Вот тут-то я почти со злорадством и подумала: "А и чудак же вы, товарищ майор Иванов: уж так-таки они везде и понатыканы!.. А вот под этой кочкой мины нет". Облюбовала я себе ближайшую

мшистую кочку справа. Красивая такая. Точь-в-точь бархатная диванная подушка с серебряной вышивкой. Уселась.

И вдруг!.. Предательская кочка подо мною шевельнулась раз, другой, что-то в ней вроде бы щелкнуло, что-то легонько меня снизу клюнуло. И все. Ни шороха, ни звука. Сознание пронзила мысль: "Мина! Немецкая шпринген-мина! Мина-лягуха!.." Я мигом вспомнила: она рвется не в земле, а над землей. Такая мина сидит в земле, опустив усики-проволочки, невидимые в траве, и жертву свою подкарауливает. И когда нечаянно носок офицерского сапога или солдатского ботинка заденет усик, мина-лягуха из земли выпрыгивает и рвется в воздухе, рассыпая во все стороны осколки-картечины. Стало быть, пока я на ней сижу, она не должна взорваться, так как ей надо сперва выпрыгнуть. А вдруг рванет подо мной?.. Ну что ж! Фронтовой закон известен: помирай, так уж один.

Все это мигом сообразив, кричу: "Ложись!" А эту команду на войне выполняли с необыкновенным проворством буквально все - от солдата до генерала. И все мои спутники шлепнулись в снеговое месиво, закрыли головы руками - лежат, не дышат. А я сижу на мине!..

Ну сколько можно людям лежать?! Стали кое-кто приподниматься, кричать:

- Эй, что случилось?

- Вставай, подруга! Чего озорничаешь?

А я в ответ тоже кричу осипшим с перепугу голосом:

- Не могу я, братцы, встать! Я на мине сижу! Сапера поищите!

Прибежал запыхавшийся сапер. Молодой, вежливый, с "удочкой-пищалкой". Осторожно обошел вокруг моей кочки. "Удочка" пищит со страшной силой. Дело ясное: железо близко чует. Вот сапер и говорит мне:

- Чудно, товарищ старший лейтенант. Что-то в моей практике не было случая, чтобы человек живьем уселся на мину и не взорвался. Но какая-то железка под вами есть. Может, не мина? А вдруг все-таки мина?.. Поищу-ка своего командира, он у нас дока. - И убежал.

Мои попутчики уже все поднялись. Стоят впереди и сзади поодаль и громко совещаются, как девчонку с мины снять, ведь жалко же!..

А я совсем одеревенела, шевельнуться боюсь. В глазах туман. В ушах звон. Во рту горечь. Но не плачу. Давно разучилась.

Тут кто-то придумал:

- Братцы, давайте кинем ей веревку! Подлиннее. Она уцепится, мы ка-ак дернем! Девчонка-то легонькая как пушинка... Пускай тогда эта холера взрывается...

Где у пехоты веревка?! Да еще в лесу...

- Что ж делать, ребятушки?

- Снимай брючные ремни! Связывай.

- А штаны-то как держать?

- В зубах держи!

Я возмущаюсь:

- Ребята, хватит зубоскалить! Командира давайте!..

Вместо командира прибежал еще один сапер. Тоже молодой. В форме Войска Польского. Он тоже обошел вокруг моей кочки. Пошептался с русским. Вот русский и говорит:

- Мы решили так. Поскольку эта хреновина не сработала сразу, то уж и не взорвется. Она, стало быть, непригодная. Вы вставайте, а мы с паном на всякий случай приляжем...

- Добже, паненка офицер, добже, - с улыбкой кивает головой пан сапер.

Я света божьего не взвидела. Ору во всю силу:

- Добже! Добже! А если рванет? Не хочу такой поганой смертью помирать - ишь какие мудрецы! Я вставай, а они лягут... Я всю войну прошла! Командира!!!

И вдруг, откуда ни возьмись, - командир, майор саперный. Нос орлиный, глаза полыхают. Уставился на меня, как удав на кролика, да как заорет на весь лес:

- Поглядите на эту идиотку! Уселась, как курица в гнезде. Ты что, до второго пришествия тут собралась сидеть? А еще, кажется, строевой офицер! Я для кого предупредительные сигналы вывесил? А?

Молчу, не оправдываюсь - виновата. Майор скомандовал: "Ложись!" сгреб меня за наплечные ремни, опрокинул носом в мокрый мох. Сам прикрыл меня своим телом, а мина - из-под меня. И рванула. Да еще как! Я сразу оглохла. Вскочила на ноги. Чувствую - жива и даже невредима, но только ничегошеньки не слышу. Вижу - солдаты весело скалят зубы, в ладоши бьют, а для меня тишина кругом мертвая.

Майор отчитывает меня, так и рубит пальцем перед носом - и наконец по идиотскому выражению моего лица догадывается, что я ничего не слышу. Тогда он вырывает из полевого блокнота листок и пишет мне такую записку:

"Справка с того света. Утверждаю, что сия молодая разиня, как на ночном горшке, сидела на шпринген-мине и была мною с таковой снята. Если бы мужчина сел на мину - в клочки разнесло бы, а бабе, пардон, женщине сам черт помогает. С приветом. Майор Иванов".